УДК 1(470)(091)
https://doi.org/10.24412/2224-5391-2026-55-50-71
EDN HFUMOU
Научная статья / Original article

В. И. Шаронов

Западный филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
Калининград, Российская Федерация

Величие мысли: жизнь и наследие А. А. Ванеева. Часть II

Аннотация. Статья посвящена жизненному пути и становлению религиозно-философских взглядов Анатолия Анатольевича Ванеева (1922–1985), сформировавшихся под влиянием встречи и непосредственного общения с Львом Платоновичем Карсавиным (1882–1952).

На примере А. А. Ванеева показано, как воспитанный в абсолютном атеизме человек благодаря жизненным испытаниям, специфически выстроенным социальным отношениям и общению с Л. П. Карсавиным пережил духовное преображение, стал православным верующим. Долгие годы размышляя о пути, пройденном без религиозной веры, об услышанном от верующих и неверующих встреченных им людей, погружаясь в метафизическое наследие своего учителя, он пришел к мысли, что следует различать вульгарный идеологический атеизм большевистской пропаганды от теоретического. Последний неслучаен, имеет христианские корни и представляет собой главную духовную проблему современности. Именно эту тему он считал основной, создавая книгу о последних годах жизни Л. П. Карсавина и другие свои работы. Согласно Анатолию Ванееву, решать задачу выяснения христианского смысла атеизма следует руководствуясь идеей эвристического значения православной догматики, — этим одним из самых сильных положений, высказанных его учителем Львом Карсавиным.

Текст представляет продолжение статьи, опубликованной в предыдущем номере «Вестника Екатеринбургской духовной семинарии», и вводит в научный оборот ранее не использовавшиеся архивные документы и сведения, известные автору как человеку, много лет входившему в узкий круг друзей и собеседников А. А. Ванеева.

Ключевые слова: Анатолий Анатольевич Ванеев, Лев Платонович Карсавин, религиозный философ, Жизнь-чрез-Смерть, эвристическое значение догматики, атеизм

CC BY-NC
© В. И. Шаронов, 2026

Для цитирования: *Шаронов В. И.* Величие мысли: жизнь и наследие А. А. Ванеева. Часть II // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2026. № 55. С. 50–71. https://doi.org/10.24412/2224-5391-2026-55-50-71; EDN HFUMOU

Поступила в редакцию 13.02.2026
Принята к публикации 29.07.2026

Vladimir I. Sharonov

Western Branch
of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration
Kaliningrad, Russian Federation

Magnificence of Thought: The Life and Legacy of A. A. Vaneev. Part II

Abstract. The article is devoted to the life path and development of the religious and philosophical views of Anatoly Anatolyevich Vaneev (1922–1985), under the influence of his meeting and direct communication with Lev Platonovich Karsavin (1882–1952). The example of A. A. Vaneev shows how a person, raised in absolute atheism, under the influence of life trials and social relations, and through his communication with L. P. Karsavin, has experienced a spiritual transformation and become an Orthodox believer. After many years of reflecting on his life without religious faith, and on what he had heard from both believers and non-believers, as well as delving into his teacher's metaphysical legacy, he came to the realization that there is a distinction to be made between the vulgar ideological atheism of Bolshevik propaganda and theoretical atheism. The latter is not accidental, but has Christian roots and represents the central spiritual challenge of modernity. This was the central theme he explored in his book about the final years of L. P. Karsavin's life and in other works. According to Anatoly Vaneev, the task of solving the Christian meaning of atheism should be approached from the perspective of the heuristic value of Orthodox dogma, and it is one of the most powerful ideas expressed by his teacher, Lev Karsavin.
This text is a continuation of the article published in a previous issue of the Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary and introduces previously unpublished archival documents and information known to the author who has been part of a small circle of friends and participants in philosophical dialogues with A. A. Vaneev for many years.

Keywords: Anatoly Anatolyevich Vaneev, Lev Platonovich Karsavin, Russian religious philosophy, metaphysics, Christian faith, Orthodoxy, atheism, science, and secular culture

For citation: Sharonov V. I. Magnificence of Thought: The Life and Legacy of A. A. Vaneev. Part II. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii = Bulletin of*

the Ekaterinburg Theological Seminary, 2026, no. 55, pp. 50–71. (In Russian). https://doi.org/10.24412/2224-5391-2026-55-50-71

Submitted on 13 February, 2026
Accepted on 29 July, 2026

Случившийся арест ошеломил Анатолия Ванеева. Стремительное исчезновение пространства, наполненного детьми, уроками, учительством, дискуссиями о литературе и вполне ощутимыми признаками скорого признания — обретения своей мечты считаться и быть писателем, было каким-то мороком, нереально реальной сменой декораций в чужой, совсем не его пьесе. Но усомниться в действительности случившегося, успокоиться на мысли о происходящем только в дурном нескончаемом сне не давали холод и стальная жесткость одиночной камеры Министерства государственной безопасности на Шпалерной.

Состояние крайней угнетенной потерянности, порожденное абсурдностью того, что обрушилось на него как очевидно несправедливое сочетание мрачных случайных обстоятельств и что категорически не соответствовало тому светлому и хорошему, что обязано было происходить в его жизни, едва не привило арестанту сартровскую тошноту от жизни. Но экзистенциалистом он не стал, и не только молодость, ее витальные силы одержали верх над разрушением прежней стройной, разумной картины мира, но еще две дарованные ему способности — рефлексия, разбуженная постоянными попытками обнаружить в себе мотивы и сюжеты для собственных литературных опытов, рассказов, пьес, стихов, и любовь к матери, беззаветно любившей его самого.

Фелицата Александровна Ванеева была единственным и главным человеком, о ком он беспрестанно беспокоился все десять лет своего заключения, с кем делился самыми сокровенными размышлениями и переживаниями. Но при этом на всех письмах, адресованных ей, неизменно лежала печать цензуры особого рода: сын никогда не забывал, что его откровенность и искренность должны поддерживать мать надеждой, а не губить излишними подробностями лагерной жизни ее и без того надорванную страданиями душу.

Только в августе 1945 г., уже в лагере, т. е. спустя почти 5 месяцев после мартовского ареста, трибунала и приговора[1], он немного пришел в себя, собрал в подобие целостности свое самосознание и смог написать матери первое письмо. К ней были приложены восемь коротких рифмованных строчек, написанных еще в тюремной камере и передававших состояние узника. На этот раз очередной литературный опыт не был подчинен главному шаблону социалистического реализма — изображать жизнь не как она есть, а какой она должна

[1] Протокол обыска от 19 марта 1945 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-1012 (А. А. Ванеев). Оп. 1. Д. 95. 104 с. Далее при использовании данного фонда указывается только: Название документа // Архив Ванеева. № дела.

быть в замыслах большевиков. Это был вопль и выплеск рифмованных слов, прямо противоположных утверждению общественного оптимизма. В них запечатлелось столкновение в его душе пустоты окружавшего внешнего мира, ужавшегося до нескольких метров «одиночки», и ускользающей свободы мысли, не имеющей ни ясности, ни опоры в абсолютном одиночестве[2] и зависшей в моменте, разделяющем прошлое и будущее. Будущее исчезло…

Но когда реализм мировосприятия вернулся к А. А. Ванееву, оказалось, что в нем не исчезла и уверенность, что его судьба, испытания должны иметь свой положительный смысл и этому высокому назначению обязательно предстоит открыться в будущем: «Я во что-то верю, сам не знаю, во что: в бога, в судьбу, в некую высшую силу, участвующую в жизни»[3].

Письма к матери содержат почти обязательные пассажи отвлеченных размышлений. Их строй и координаты долгое время были сугубо атеистическими, точкой отсчета — нравственные идеалы долга, личных принципиальности и честности, усвоенное в общей атмосфере семьи с революционными традициями главное представление о назначении советского человека — служении общественному благу. Обязательность внимания и уважения к другому человеку он с раннего детства усваивал через равное, без подделки родительское отношение к его личности, имеющей свою собственную точку зрения на все…

На поверхности — на уровне психологической рефлексии — его формулировки могут расцениваться так, он только утверждается в своих советских мировоззренческих ориентирах, что не сдает свои позиции: тем упорнее, чем сильнее к этому понуждают обстоятельства неволи, примеры нравственных падений некоторых других заключенных. В действительности это было очень и очень трудное и неспешное духовное вызревание нового понимания, преодолевающее навязанные воспитанием представления о борьбе с внешними трудностями и врагами как главном пути утверждения социалистических идеалов вместо критического переосмысления их самих. Но такая работа в нем происходила и постепенно все далее выходила за границы сугубо социологического анализа: «Я думаю, что первый шаг к тюрьме я сделал тогда еще. Когда почувствовал сострадание и желание помочь Людмиле Игнатовне: человек, испытывающий сочувствие и попытавшийся помогать репрессированным только потому, что, по его мнению, — хорошие люди, — это человек кандидат туда, где я теперь»[4].

---

[2] «Время земное измерено / Суток пустыми кругами / Меж 4-х стен затерянный / Меряю время шагами / Мысли дорогой таинственной / Стены, презрев — свободны … / Я обладаю единственный — / Этой свободой… бесплодной» (Письмо А. А. Ванеева к матери Ф. А. Ванеевой от 08.08.1945 г. // Архив Ванеева. Письма к матери. Оп. 1. Д. 37. Далее для экономии места: Письмо от… (с указанием даты письма) // Архив Ванеева. Письма к матери. Д. …

[3] Письмо от 19.08.1948 г. // Архив Ванеева. Письма к матери. Д. 37.

[4] Письмо от 29.01.1950 г. // Архив Ванеева. Письма к матери. Д. 39.

При том что А. А. Ванеев вырос в семейной атмосфере «нормальности» неверия и господства карикатурных трактовок религии и обвинений Церкви, ее служителей и верующих, его чуткая душа время от времени, неожиданно для него самого, как когда-то в одиночной камере, восклицала на черте лагерных испытаний, разделяющих жизнь и смерть: «Бывают такие обстоятельства, когда я мысленно зову: „Помоги!“, и верю, что от этого настанет облегчение. Стал доверять предчувствиям. Забавно, насколько крепки суеверия у людей. Я знаю многих, кто серьезно верит в значимость слов и т. п.» [5].

Как видно из писем А. А. Ванеева к матери, до встречи с Л. П. Карсавиным он сам вплотную то приближался к религиозному пониманию жизни, то удалялся от него. Для окончательного самоопределения не хватало того последнего, что способно обратить рассеянное внимание неверующего человека к темам религиозной веры, преобразить его и открыть в нем способность воспринять себя и мир совершенно иначе: в оптике единственно истинной реальности — реальности Воскресения Христа, и в этом новом восприятии не утратить полноту здравого смысла в отношении земных забот и проблем повседневной жизни.

Но все же основная интонация его отношения к религиозной вере оставалась критической. Преимущественно он оценивал ее по усвоенной шкале советских нравственных идеалов, обнаруживая при этом высокую внимательность к ее проявлениям и как бы примеряя веру в Бога к самому себе:

«Сегодня [21 апреля 1946 г.] пасха[6]. Это для меня нисколько не важно. Но многим здесь кажется существенным. Для многих, считающих себя религиозными, пасха представляется поводом для полу-искренних сетований на греховность свою.

Как я посмотрю, русские, среди которых религиозность распространена, религиозны не столько по убеждениям, сколько по традиции. Верующий начинает серьезно относиться к своей вере, только тогда, когда кто-нибудь высказывает сомнение в серьезности его веры. И веруют не потому, что разумно убеждены в надобности веровать, и не потому, что чувствуют свое бессилие и уповают на что-то высшее (в этом смысле, напротив, каждый верит в свои силы, contra mundum [бросая вызов]), а потому, что не веровать также неприлично, как выйти на улицу без штанов.

Мне это пришло на ум потому, что в этом действительно важном для людей вопросе, утверждающем важность нравственных правил для людей, особенно раздражает фальшь.

Мои взгляды радикально материалистические, и между тем я знаю, что немощь одинокого человека перед общественными явлениями понуждает его искать силу внутри себя, верить в нее и уповать на нее; так было и так будет, такова духовная природа человека.

---

[5] Письмо от 14.11.1945 г. // Архив Ванеева. Письма к матери. Д. 39.

[6] Орфография и пунктуация сохранены. — *В. Ш.*

Я очень склонен верить в то, что есть нечто, что можно было назвать Высшей Справедливостью.

Я понимаю ее не как нечто сверхчувственное, но просто как общий принцип равновесия.

Принцип равновесия справедлив для космических процессов и для каждого маленького процесса в лабораторной пробирке. Принцип равновесия справедлив для человеческого общества, — вероятно он справедлив и для каждой отдельной человеческой жизни.

Равновесие между людьми — есть справедливость.

Вот почему я убежден, что нравственная чистота человека, т. е. соблюдение им тех нравственных правил, которые сам считает необходимым соблюдать, есть действительно важное условие жизни каждого.

Поэтому я серьезно и уважительно отношусь к людям подлинно религиозным, для которых возможность отпущения грехов не есть основание жить в беззаконии. И тем более раздражает меня нарочитая, показная условность как религиозная, так и всякая иная»[7].

В одном из писем А. А. Ванеев написал матери: «Тому, кто верит, легче жить. Это и есть доказательство в пользу веры»[8]. Многим из тех, кто погружен в нынешнее относительное благополучие, легко обличить А. А. Ванеева-атеиста в непонимании христианской веры как крестного пути: в условиях избыточного достатка разговоры на религиозные темы быстро вырождаются в легковесную болтовню, в жонглирование собственными словами и цитатами. Но в послевоенном особом исправительно-трудовом лагере у ледяной кромки Белого моря, где и когда А. А. Ванеев писал эти строчки, многие заключенные — и неверующие, и верующие иначе, чем мы, поняли бы эти слова и их особую правду, правду неволи.

В условиях жесточайших вымарываний цензурой А. А. Ванеев не мог и не желал себе позволять в письмах к матери рассказывать о погибавших и терявших человеческий облик под грузом непосильных испытаний и о сохранявших человеческое достоинство. Но при внимательном чтении реальность все же можно было рассмотреть по некоторым словесным оборотам и словам: «Людей [здесь] встречают по одежке, в лагере эти правила особенно сильны. Здесь человек, прилично одетый, сильно отличается о т б о л ь ш и н с т в а — опустившегося, одетого в хлам, духовно о с к о т е в ш е г о »[9].

Постепенно заключение с его унылым однообразным распорядком, крайней нищетой событий и убожеством дней погружали Анатолия Ванеева в состояние «привычности»[10] и вечной узаконенности тюремного положения. Его

[7] Письмо от 21.04.1946 г. // Архив Ванеева. Письма к матери. Д. 37.

[8] Письмо от 19.08.1948 г. // Архив Ванеева. Письма к матери. Д. 38.

[9] Письмо от 1.11.1948 г. // Там же.

[10] См., напр.: Письмо от 13.04.1947 г.; от 4.12.1947 г. // Архив Ванеева. Письма к матери. Д. 37.

описания жизни, адресованные Фелицате Александровне, вполне конкретно-обыденны, но за этой будничностью угадывается осознанный А. А. Ванеевым ужас движения человека по замкнутому кругу на той невидимой привязи, что убеждает человека: «Так было вчера, так будет сегодня, и так будет всегда до твоего последнего, смертного часа».

Еще в лагере, до создания своей книги «Два года в Абези», он понял то, что потом только точнее выразил в ней: «Живущие по ту сторону проволочного ограждения одни просто не хотят знать о нашем существовании, а другие представляют его себе, главным образом, со стороны экстремальных проявлений. Послушать иных, так вся наша жизнь состоит из одних экстремумов: убийств, издевательств и других ужасов[11]. <…> Экстраординарные факты бывают, но в общем редко и не выражают характера будничной жизни. Лагерные будни имеют раз навсегда установленную формулу: подъем-поверка-уход-приход и т. п. Изо дня в день крутится всегда одно и то же колесо»[12].

От разлагающего действия этого однообразия А. А. Ванеев уберег себя, не оставив времени и места для бесплодных переживаний, личной зацикленности на несправедливости приговора, недостатке материальных благ. Огромное значение для самосохранения личности и развития заключалось в сохраняемом им признании значения высших ценностей и убежденности в наличии смысла человеческой жизни: «В нашей обстановке мысль отвращается от материальных пределов. Я пишу об этом, потому что уже давно задавался вопросами бытия, а теперь и чувством, и умом убедился совсем, что материальное и познаваемое не есть исчерпывающее содержание мира и особенно жизни. <…> Если ты [мама] веришь мне, то верь вместе со мной, что человеку присуще нечто, что выше времени»[13].

Предчувствие значительного, сопровождавшее А. А. Ванеева все предыдущие шесть лет заключения, не обмануло, — ожидаемое, действительно духовно существенная сторона жизни открылась в ее главном событии: встрече с Львом Платоновичем Карсавиным, духовном сближении с ним, позволившем открыть совершенно новое качество мысли — ее сосредоточенность на вопросах веры и Боге: «Во всем, что говорил Карсавин, меня притягивала некая особая, до того неведомая, существенность понимания. <…> Несмотря на широкий разброс тематики наших разговоров, все они, как железные опилки в магнитном поле, втягивались в область, заключенную между двумя полюсами, из которых одним были вопросы философии, а другим вопросы религии. <…> На религиозные темы он говорил об отношении веры и разума, о Боговоплощении, о Воскресении»[14].

---

[11] Прозрачный намек А. А. Ванеева на «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицына. — *В. Ш.*

[12] *Ванеев А. А.* Два года в Абези // Наше наследие. 1990. № 3 (15). С. 79.

[13] Письмо без даты 1946 г. // Архив Ванеева. Письма к матери. Д. 37.

[14] *Ванеев А. А.* Два года в Абези // Наше наследие. 1990. № 3 (15). С. 65, 67.

С формальной стороны, в координатах холодных рассуждений, допускающих реальность Бога, как и реальность Его отсутствия, невозможно понять, почему всю свою жизнь А. А. Ванеев посвятил сохранению имени и наследия Л. П. Карсавина, почему год за годом продолжал углубляться в идеи своего Учителя и, в конце концов, сам стал их развивать, полагая, что тем обогащает и наполняет подлинным смыслом свою жизнь. Но это совсем просто открывается пониманию того, кто имеет опыт общения с человеком, для которого Христос есть первая и окончательная личная Реальность, Тот, Кто действительно исполняет обетование быть там, где двое или трое собраны во имя Его. Бог открыл Себя атеисту-Ванееву, явил веру в реальность Воскресения Христа и даровал талант собственной религиозно-философский мысли именно потому, что для Л. П. Карсавина в эти последние дни жизни Воскресший Христос был уже не отвлеченной идеей, а предельной и единственной Истиной, которая пребывала во всех его умозрениях.

А. А. Ванеев писал: «Корень христианской веры есть вера в божественность Иисуса Христа и в Его воскресение. Рождение, жизнь и смерть Иисуса Христа есть факт исторический, ограниченный определенностью места и времени. Но в таинственной глубине своей это есть факт онтический, абсолютный и как таковой — всеединый и всевременный. На кресте умер Бог, воплотившийся в человека. И воскресение это — не оживление. Воскресает не то, что осталось после смерти, а то, что было до нее. Воскресение Христа есть возобновление исконного божественного достоинства Сына Божия, в которое Он возносит Свое и наше земное существование. Вера не требует от человека насилия над собой. Когда человек осуществляет такое насилие, это религиозная истерия и выражение недостатка веры. Вообще, вера не есть некое умонастроение или расположение души. Вера есть прямое внутреннее совпадение с абсолютом, его актуализация в нас. И вера в воскресение есть не что иное, как само оно, данное нам как бы в предвосхищении…»[15].

Религиозное обращение атеиста или, иначе, человека, воспитанного науками, всей системой советского образования, взрослевшего под мощным воздействием секулярной и даже богоборческой культуры — явление не редкое (как нередко оно сопровождается покаянными словами неофита, что вся прежняя жизнь прошла в темноте, т. е. была бессмысленна). А. А. Ванеев менее всего был склонен расценивать всю свою прежнюю жизнь в неверии как пустую и не имеющую значения. В понимании его, верующего, жизнь в атеизме была одновременно и лишена присутствия Бога, и сопровождена Богом в Его отсутствии, не понуждающим через воздействие общества и прочее обязательно становиться верующим. Это соответствовало и наиболее ценимым Анатолием Анатольевичем идеям — «продолжение через прерыв» и «Жизни Бога-чрез-Смерть».

В дальнейшем многие годы размышляя о своем пути, обобщая размышления, А. А. Ванеев пришел к тому, что атеизм в своем новом качестве усваивается челове-

[15] *Ванеев А. А.* Два года в Абези // Наше наследие. 1990. № 3 (15). С. 74.

ком через незримую постоянную обработку наукой и культурой. И усвоенный атеизм не испаряется после крещения, обращения к вере, как капли случайного дождя: потоки светской культуры, с детства навязанная исключительно научная картина мира изменяют весь строй и характер нашей личной мысли так, что она привыкает первичным образом, *вначале* воспринимать, оценивать и анализировать мир и события в своей жизни в оптике усвоенных знаний, объясненных в первую очередь не религией, а наукой. Использование наречия *вначале* в данном случае очень условно, поскольку оно не наделено привычным временным значением, но указывает на точку перехода (продолжения) целостного мировосприятия в миропонимание через момент прерыва, в котором сохраняется отношение человека к миру. Это момент духовного падения ума в рационализм, при котором сознание, вместо причастности и уяснения целостного смысла, данного в Откровении, соскальзывает в рассудочную раздробленность научной объективации и каузальности, черпая понятия и категории из секулярной культуры. В этом неуловимом расщеплении симфонического всеединства светская культура и научный дискурс обретают безусловное доминирование, отодвигая на второй план или вовсе закрывая собой религиозное созерцание, завершающееся уяснением явлений в их духовном истолковании и обретением подлинного смысла события, проблемы или важнейшей темы. Вернуться к тому, чтобы восстановить первичность религиозной целостности восприятия и только на ее основе воспринимать для себя значение внешней фактической реальности и скрытые за ней духовные смыслы, первичность Откровения, невероятно сложно. А. А. Ванееву не случайно запали в сердце слова, сказанные Л. П. Карсавиным и переданные в одном из ключевых диалогов книги, — о значении понятия ἡ μετάνοια (греч. «покаяние»): «Сказать, что переменить ум легко, значило бы ввести в заблуждение. Умопремена это процесс. Легко вступить на этот путь, нужен один шаг, но сам он — вся жизнь»[16].

На эту колоссальную проблему, возникающую в наше время в личных взаимоотношениях человека со своей религиозной верой и научным знанием, с религией и культурой, небесной и земной реальностями проницательно указал Ф. М. Достоевский. Он увидел, что пути традиционной религиозной веры и веры о б р а з о в а н н о г о человека трагически разошлись, что теперь он хочет рассматривать и понимать мир прежде всего «объективно», т. е. бесстрастно, равнодушно, что он подменил Тайну — загадкой, подлежащей научной разгадке, и не способен верить в реальность чуда: «Можно ли веровать, быв цивилизованным, т. е. европейцем[17]? — т. е. веровать безусловно в Божественность Сына Божия Иисуса Христа? (ибо вся вера только в этом и состоит)»[18].

[16] *Ванеев А. А.* Два года в Абези // Наше наследие. 1990. № 3 (15). С. 67.

[17] Ф. М. Достоевский имеет в виду образованного человека. — *В. Ш.*

[18] *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1974. Т. 11: Бесы. С. 178.

В другом месте, имея в виду именно претензию на установление истины, исходившую от науки, современной великому писателю, и разлившийся под омофором ее авторитета нигилизм, Ф. М. Достоевский писал: «Если б кто мне доказал, что Христос вне истины[19], и *действительно* было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться с Христом, нежели с истиной»[20].

Ф. М. Достоевский, Л. П. Карсавин и А. А. Ванеев не впадали в обскурантизм и вполне признавали значение научных достижений и пути научного поиска. Вместе с тем, они при всем своем почтении к науке осознавали, что современная наука «не нуждается в гипотезе Бога»[21] по многим причинам, поскольку своими жесткими правилами, требованием бесстрастности и прочим сковывает, ограничивает и рассекает живую и свободную мысль, сводит ее к сугубой рациональности, не оставляя места для Христа и чуда Его Воскресения.

* * *

Во избежание утраты лагерных рукописей Льва Платоновича, переданных ему лично в наследие, Анатолий Анатольевич еще в лагере стал делать их копии, с такой тщательностью повторяя почерк своего Учителя, что усвоил его как собственный[22]. Многократное копирование текстов продолжилось в ссылке в Инте, затем в Ленинграде, где А. А. Ванеев, выйдя на свободу, был принят в школу учителем физики и где он заново поступил учиться в университет, теперь уже на физический факультет. В школе он проработал до 7 марта 1976 г., когда болезнь, вызванная многочисленными операциями, чтобы победить незаживающее боевое ранение, заставила покинуть заведование кабинетом физики в Ленинградском институте усовершенствования учителей[23].

Невидимая большинству окружающих, работа Анатолия Анатольевича на протяжении десятилетий не ограничивалась воспроизводством все новых и новых копий рукописей, но сопровождалась поиском и чтением почти всех найденных книг и статей Л. П. Карсавина. Он многократно возвращался к ним, перечитывал не по разу, чтобы глубже понять изложенные в них идеи. Он изучал и труды авторов, упомянутых Л. П. Карсавиным, причем нередко — на немецком языке или латыни, как, например, это было с книгами Николая Кузанского (1401–1464).

---

[19] Осмелимся предположить, что под истиной Ф. М. Достоевский предполагал истину, добытую и доказанную наукой. — *В. Ш.*

[20] *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1985. Т. 28, кн. 1: Письма 1832–1859. С. 176.

[21] *Hugo V.* Faits contemporains // Idem. Œuvres complètes. Choses vues. T. I. Paris, 1913. P. 271.

[22] Первые письма матери, в которых сразу угадывается характерный почерк Л. П. Карсавина, датируются апрелем 1953 г. (Архив Ванеева. Д. 40).

[23] Трудовая книжка А. А. Ванеева // Архив Ванеева. Д. 95.

О верном понимании А. А. Ванеевым идей своего учителя свидетельствовал сам Лев Платонович. В 1955 г. заключенный абезьского лагеря Повилас Буткявичус (1923–1985), имевший теологическую подготовку и общавшийся с Л. П. Карсавиным в Абези, записал воспоминания об этих встречах. Среди прочего он свидетельствовал:

«Он [Карсавин] давал читать свои рукописи, спрашивал, читаю ли я их. „Читаю, — отвечал я, — но очень слабо понимаю…“.

„Да, — соглашался он, — это моя беда, что моя письменная речь многим непонятна. Словами мне удается более точно выразить то, что мною продумано и написано. Больше всех прочел мои труды и правильно понял один молодой человек, хоть и намного меня моложе, но друг — Ванеев. Может, Вы с ним знакомы?..“

Увы, я не знал этого человека»[24].

В несколько экзальтированной форме в 1958 г. написал об Анатолии Ванееве и бывший заключенный Абези Э. Ф. Зоммер: «Я никогда не встречал человека, который до такой степени отказался бы от собственного Я и погрузился в мир идей своего учителя. При этом он не только был полон его словом, прочитанным или услышанным, после смерти Карсавина он продолжал развивать его мысли, выстраивать дальше его метафизическую систему. Этот моложавый еще, гибкий и хорошо сложенный человек с темными светящимися глазами, черными волосами и бородой, <…> был полностью созданием Карсавина. <…> Поскольку его образование было недостаточным для религиозно-философских занятий, Карсавин <…> был его наставником в истории, философии, религии, а также в латинском и греческом языках»[25].

А. Сваринскас, еще один соузник А. А. Ванеева в Абези, вспоминал его как «ревностного ученика профессора» Л. П. Карсавина[26].

Безусловно признавали в Анатолии Ванееве мыслителя и наследника идей Льва Карсавина его близкие друзья по заключению: уже упомянутые ранее абезьский патологоанатом Владас Шимкунас и заключенный интинского и воркутинского лагерей монах-францисканец Станислав Добровольскис[27].

---

[24] Цит. по: *Žvirgždas*. 8.VII.1955. [Butkevičius P.] // Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius (Отдел хранения рукописей Вильнюсского университета). F. 151. Ap. 22. В 1998 г. перевод этого текста опубликовал сыктывкарский историк Н. А. Морозов. См.: *Жвиргждас*. О Л. П. Карсавине. Приложение 2 // Морозов Н. А. Особые лагеря МВД СССР в Коми АССР (1948–1954 гг.). Сыктывкар, 1998. С. 143, 141–144. Н. А. Морозов подтвердил автору настоящей статьи, что за псевдонимом «Жвиргждас» свое имя скрыл П. Буткявичус.

[25] *Sommer E.* Vom Leben und Sterben eines russischen Metaphysikers. Ein verspäteter Nachruf auf Leo Karsavin († 12.7.1952) // Orientalia Christiana Periodica. 1958. Vol. XXIV. P. 134; рус. пер.: *Зоммер Э. Ф.* О жизни и смерти русского метафизика. Запоздалый некролог Льва Карсавина († 12.07.1952) // Лев Платонович Карсавин. М., 2012. С. 455–465.

[26] *Svarinskas A.* Nepataisomasis: atsiminimai. [Irreparable: memoirs]. Vilnius, 2014. P. 128.

[27] В кругах религиозной интеллигенции 1960-х — 1980-х гг. С. Добровольскиса чаще именовали

Оба они расценивали свою помощь Анатолию Ванееву в разыскании трудов Льва Карсавина как возвращение своего долга русскому профессору. В. Шимкунас помогал собирать воспоминания о нем, находить его труды. С. Добровольскис, никогда с Л. П. Карсавиным не встречавшийся, но вдохновленный рассказами о нем А. А. Ванеева во время их совместного пребывания в интинском лагере, делал подстрочный перевод карсавинской работы, изначально написанной по-литовски «Dvasia ir kūnas» [«Дух и тело»], и не прервал работы, даже когда был переведен в зону с крайне суровыми условиями жизни и физического труда[28]. Обмен найденными трудами Л. П. Карсавина между друзьями, гостевые визиты к друг другу продолжились и после реабилитации всех троих. Сам же А. А. Ванеев оценил свое состояние в письме друзьям так: «Учение старика совершенно мною завладело, я им главным образом и живу»[29].

История богословия и философии знает примеры, когда рядом с большим мыслителем и значительной личностью появлялся человек, всего лишь подражающий стилю и идеям, но вследствие исполнения долгой роли ученика постепенно сам начинавший верить в собственное авторство идей и умозрений, в действительности принадлежащих его кумиру. А. А. Ванеева в подобной теоретической стилизации невозможно заподозрить уже потому, что он очень скоро отказался от попыток следовать явно перегруженному, сложному стилю Л. П. Карсавина. Он смог осуществить конверсию наследия своего учителя и выразить карсавинские идеи кратко и емко, выделив особо положения об эвристическом значении христианской догмы, Жизни-чрез-Смерть как принципа Божественной жизни, непрерывности бытия через прерыв, и умопремене как познавательном причастии[30].

Подобное переосмысление и творческая интерпретация принципиально возможны не только при условии глубокого понимания чужих идей, но при наличии собственной философской позиции, способности к личной самостоятельной мысли.

* * *

Одним из последствий известности Ванеева как близкого ученика Л. П. Карсавина среди заключенных Минлага[31] стало письмо к Анатолию Анатольевичу

коротко — «патер Станислав», и все сразу понимали, что речь идет о священнике из литовского местечка Паберже, куда не совсем просто было добираться. См. подробнее: *Чепайтите М. П.* Патер. Отец Станислав Добровольскис. М., 2023. 511 с.

[28] *Карсавин Л. П.* Дух и тело / пер. А. В. [Анатолия Ванеева] // Соловьёвские исследования. 2022. Вып. 3 (75). С. 97–122.

[29] Черновик письма Анатолия Ванеева. Без даты // Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius (Отдел хранения рукописей Вильнюсского университета). F. 151. Ap. 3. С высокой вероятностью, учитывая обращения в других подобных письмах, письмо предназначалось Владасу Шимкунасу.

[30] *Ванеев А. А.* Очерк жизни и идей Л. П. Карсавина // Звезда. 1990. № 12. С. 150–151.

[31] Минлаг — Минеральный лагерь, или Особый лагерь № 1 с центром в Инте. Действовал с 1948 по 1957 гг.

будущего известного священника Дмитрия Дудко (1922–2004). В нем он выразил свое желание познакомиться с тем, о ком слышал еще в интинском лагере. В мае 1956 г. Д. Дудко был освобожден из исправительно-трудового лагеря[32] и, едва устроив свои дела по восстановлению в Московской духовной академии, в первых числах января 1957 г. обратился письменно к А. А. Ванееву: «Мы с Вами однополчане по № 3[33], но к сожалению там не знали друг друга. <…> Я очень интересуюсь Карсавиным…»[34].

Переписка между Анатолием Ванеевым и Дмитрием Дудко продолжалась до конца 1961 г. Иногда Д. Дудко в письмах касался богословских тем, упоминал некоторые имена и труды русских религиозных философов, писателей, но все же основным общим интересом было восполнение недостающих произведений Л. П. Карсавина. В конце концов переписка сошла на нет, когда новоиспеченный иерей Димитрий Дудко обзавелся «профессиональным» кругом общения из таких же молодых священников, в который вошли Глеб Якунин, Николай Эшлиман, Сергий Хохлов, Алексий Злобин и др.[35]

Анатолий Ванеев со своей стороны не проявил желания продолжать общение. О причине этого косвенно указывает пометка на одном из полученных писем Д. Дудко: «1. Мало темперамента; огонек теплится, а не горит, светится, а не сияет. Нет звучания „хрустальных сфер“! 2. Нет рождения нового[36] слова, хотя и есть находки. 3. Оттого не дано и новых одежд: см. прежде всего ритм; оттого сбивается на проповедь»[37].

Но одно важное дело, получившее значительное продолжение для Анатолия Ванеева, отец Димитрий все же исполнил: он успел рассказать об «ученике Карсавина» многим, в т. ч. заштатному священнику Сергию Желудкову.

Г. М. Файбусович (1928–2022)[38], хорошо знавший о. Сергия, метко назвал его «русским Мерсенном»[39] за удивительный талант знакомить и связывать

---

[32] Возвращенные имена. Список жертв политических репрессий, осужденных на территории Республики Коми // Покаяние: Мартиролог. Сыктывкар, 1998. Т. 1. С. 810.

[33] Имеется в виду отдельный лагерный пункт (ОЛП) № 3 в г. Инта Коми АССР. — *В. Ш.*

[34] *Дудко Д. С.* Письмо к А. А. Ванееву // Архив Ванеева. Д. 66. Письмо датируется по отметке на письме «Отв. 27.I» и дальнейшим письмам с проставленными датами и 1957 г.

[35] *Бычков С. С.* Ослепительный миг. Жизнь и труды православного священника Александра Меня. М., 2025. 424 с.

[36] Здесь и далее в цитате подчеркнуто А. А. Ванеевым.

[37] *Дудко Д. С.* Письмо к А. А. Ванееву от 2.II.1957 г. // Архив Ванеева. Д. 66.

[38] Более известен по своему псевдониму Борис Хазанов — писатель, эссеист, переводчик, один из издателей в Мюнхене диссидентской газеты «Время и мы».

[39] Характеристика о. Сергию дана Г. М. Файбусовичем в непосредственном общении с автором настоящей статьи. Марен Мерсенн (Мерсенне́; 1588–1648) — богослов, философ, математик, теоретик музыки и организатор обширной переписки с восемью десятками наиболее значительных современников, в т. ч. с Бекманом, Галилеем, Гассенди, Гюйгенсом, Декартом, Паскалем,

самых разных, но всегда чем-то особенных и значимых людей организованной им «Открытой переписки» о вере и неверии. По свидетельству о. Александра Меня, еще в 1964 г. число страниц этого уникального памятника «траншейной умственной, религиозной, богословской жизни» превысило полторы тысячи, а ведь она так и не прекращалась до самой смерти о. Сергия[40]. Анатолий Ванеев участвовал в этой переписке много лет как один из наиболее значимых авторов.

Священник Сергий Желудков познакомился с Анатолием Анатольевичем в самом начале 1970-х гг., когда А. А. Ванеев еще заведовал кабинетом физики школы № 30 Василеостровского района. По своему обыкновению, православный Мерсенн почти сразу расширил круг общения, втянув в него тогда доцента философского факультета Ленинградского государственного университета, а позднее крупного философа, профессора Ярослава Анатольевича Слинина (1932–2026).

Еще одним участником стал талантливый аспирант Я. А. Слинина Константин Константинович Иванов (род. 1942). К моменту знакомства с А. А. Ванеевым он был отчислен из университета за факт крещения, скрывать который не собирался. Все четверо и стали участниками многолетнего дружеского теоретического диалога о религиозной вере, современной культуре и неверии. В религиозных кругах об этом общении знали как о «кружке Ванеева».

Тему атеизма в многолетний диалог внес и предложил сделать главной Константин Иванов. У него были для этого и глубоко личные мотивы: когда обычный для многих восторженный период неофитства у К. Иванова миновал, начинающий мыслитель осознал потребность прояснить свою веру. Но чем дольше он пытался философски обдумать ее и свое новое состояние — новый опыт переживания присутствия Бога, тем больше утрачивал живую связь с Ним, понимая, что теряет веру. Сосредоточенные настойчивые размышления, свойственные Константину Константиновичу, ввели его в состояние глубокого духовного кризиса и отчаяния богооставленности. Сорвавшись в абсолютную темноту неверия, Константин пережил то, что эта темнота может быть ослепляющей и озаряющей, оборачиваться мистическим возвращением веры. Сосредоточенные размышления над опытом утраты веры и пребывания в отсутствии Бога не сошли на нет, не изгладились из памяти, а породили новые вопросы о содержании, месте и значении неверия современного человека, неслучайности атеизма и его связи с христианской верой.

Анатолий Ванеев сразу откликнулся на письмо Константина Иванова с предложением открыть отдельную ветку переписки для темы христианского смысла неверия, атеизма и продолжить ее, даже если остальные не сочтут ее достойной внимания: «Нас не двое, а трое. Думаю, что мы можем считать нашим „союз-

---

Ферма и т. д. После его смерти, в т. ч. в результате и осознания плодотворности научного общения была создана Парижская академия наук (1666).

[40] *Мень А. В.* О себе…: воспоминания, интервью, беседы, письма. М., 2007. С. 187.

ником“ и предшественником Л. П. Карсавина. Выявленные им проблемы почти в той же последовательности [религиозности] сегодня выявляются нами»[41].

Для Анатолия Ванеева обретение круга друзей — ответственных по отношению к религиозной мысли собеседников, равных Льву Карсавину, после двух десятилетий его автономного философского пути имело важнейшие и осязаемые результаты. Именно о. Сергий Желудков, К. К. Иванов и Я. А. Слинин настояли на необходимости начать работу над большим очерком о Л. П. Карсавине и его идеях. И они же убедили Анатолия Анатольевича вернуться к созданию полноценной книги о двух его годах в Абези.

Первые подходы к этому А. А. Ванеев сделал еще в лагере[42], но затем надолго оставил любые попытки. Друзьями был выработан и особый метод творческой работы над текстом: по мере готовности небольших частей Анатолий Анатольевич читал вновь написанное вслух и сразу получал взыскательную рецензию своих друзей, чей вкус был настроен на высокую содержательную плотность слова и одновременно его ясность[43].

Среди многих особенностей современного человека, на которые обратил особое внимание Анатолий Ванеев, особенно выделяется роковая утрата способности искать и раскрывать для себя лично духовный смысл религиозного и философского текста. Например, внимательно-взыскательное отношение Л. П. Карсавина к проблеме Filioque потому представляется нашему научному современнику «курьезом», «не более чем „спором о словах“»[44], что он поражен смысловым бесчувствием к религиозной и философской мысли, слеп и глух по отношению к ней: «За словами, выражая себя в них, скрывается та или иная религиозная интуиция и то или иное переживание действительности, которые непосредственно влияют на организацию всей религиозной жизни. Утрата слуха к тому, насколько существенна формулировка догматического определения, свидетельствует о том, что слово теряет в цене, воспринимается без должного понимания»[45].

Ученик и последователь Л. П. Карсавина в своем осмыслении секулярной культуры видел в атеизме больше, чем прихоть и самоуверенность индивидуального самосознания, склонного к фейербаховскому антропоморфизму и историческому материализму, но указывал, что современный атеизм есть результат развития самой христианской мысли, что он захватил и пропитал саму

---

[41] *Иванов К. К.* Л. П. Карсавин и А. А. Ванеев // Ванеев А. А. Два года в Абези: в память о Л. П. Карсавине. Брюссель, 1990. С. 335. Цитируется в полном виде по первоисточнику: Письмо А. А. Ванеева к К. К. Иванову. Март, 1979 г. Машинопись. // Личный архив автора. 7 л.

[42] Рукопись за подписью «Афелин» [псевдоним Ванеева]. Без даты // Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius. F. 151. Ap. 23. P. 6.

[43] Рассказано автору К. К. Ивановым и Я. А. Слининым.

[44] *Ванеев А. А.* Очерк жизни и идей Л. П. Карсавина. С. 145.

[45] Там же.

современную религиозность: «Атеизм не придуман кем-нибудь. Его появление вообще не вопрос тех или иных головных решений. В форме заявленного атеизма — совершенно непосредственно, без особой последовательности и не заботясь об устранении противоречий — выражает себя современное переживание действительности. Не надо думать, что оно есть достояние одних атеистов. Человек может быть атеистом, может не быть им, но от современного, воспитанного всей историей христианской культуры переживания действительности ему уйти невозможно, как невозможно уйти от самого себя. В прошлом переживание действительности было другим. Средневековый человек во всем хотел видеть моральный смысл, что есть реальность сама по себе, его не так уж интересовало. Реальность открывалась ему в морали и, обратно, все, что не являлось морально-содержательным, было для него реальным, даже если было сказочным.

Современный человек хочет видеть окружающую действительность такой, какая она есть сама по себе»[46].

Анатолий Ванеев отмечал уже то положительное значение атеизма, что в своей топке он сжигает натуралистические представления средневековой религиозности о загробной жизни, лубочные представления о воскресении и пр., и т. д. Он считал, что попытки прямо и усилием входить в традиционную религиозность приводят только к стилизации древней традиции, но останавливают живое развитие традиции, продолженной через прерыв долгих лет неверия, и мешают принять как достояние христианства «положительный багаж теоретического атеизма — его реалистичность, доверие действительности, жажду свободы и демократичность»[47], а также и многое остальное, что представляет собой порождение и развитие в культуре религиозных начал[48].

По А. А. Ванееву, признание нового взгляда на атеизм позволяет понять нашу культуру как плоды такого перерастания христианской религии самой себя, такое ее осуществление до предельного и самозначимого раскрытия, благодаря освобождению (секуляризации) от диктата религии искусства, этики, философии, в котором они получают свободу от религиозной формы[49].

* * *

Обсуждение книги «Christ sein» («Быть христианином»[50], 1974) Ганса Кюнга было одним из многих длящихся теоретических обсуждений кружка А. А. Ва-

[46] *Ванеев А. А.* Заметки к вопросу о религии / публ. В. И. Шаронова // Вестник Московского университета. 2022. Сер. 7. Философия. № 6. С. 32.

[47] *Ванеев А. А.* Атеизм и христианство. Тезисы к теме об отношении между явным и скрытым атеизмом. Машинопись // Личный архив автора. 7 л.

[48] Там же.

[49] См.: Там же.

[50] Один из уникальных экземпляров русского перевода книги: *Küng H.* Christ sein. München;

неева, вовлекших много эпизодических участников. Когда книга Г. Кюнга вышла, зарубежные радиостанции, вещавшие на русском языке, заговорили о ней как о бестселлере и самой грандиозной попытке приблизить Католическую Церковь к современности.

С подачи о. Сергия Желудкова переводить книгу Г. Кюнга на русский язык взялся близкий ему Евгений Викторович Барабанов, один из авторов известного сборника «Из-под глыб» (1974). Работа оказалась и объемной, и сложной, так что к переводу были привлечены А. А. Штейнберг (1907–1984)[51] и Г. М. Файбусович[52].

В своих откликах Анатолий Анатольевич последовательно оспаривал исходную позицию евангельской критики[53] Ганса Кюнга: «Что меня действительно вдохновляет, это все вопросы, которые нам богословам ставит астрофизика, атомная физика, микробиология, психология, философия и научные теории вообще. <…>

Современность [христианской веры] находит себя не в отрицании, а в осмыслении духовного наследства, не в разрушении, а в восстановлении корней, протянувшихся в прошлое. Еще в 1928 г. Л. П. Карсавин писал: „Времена критицизма, можно надеться, уже миновали и пора провозгласить новый девиз: назад к христианской догматике“. Повторяя эту мысль применительно к критике Евангелия, следует сказать: время критического воспаления умов уже прошло, и подлинно новое состоит в призыве — назад к христианскому канону. Это не значит пройти мимо критики или забыть о ней. Напротив, нужно обратиться к ней и рассмотреть ее со всей возможной внимательностью, но не ради нее, а ради того, чтобы заново выявить твердые основания новозаветного слова, на которые она замахнулась. Это и будет осмыслением и исполнением исторического и духовного назначения самой критики»[54].

Имя Ганса Кюнга возникало в переписке участников кружка А. А. Ванеева многократно и, как многое в то время, что появлялось в самиздате, различными путями достигало зарубежных редакций и отдельных читателей. Судя по визиту к Анатолию Ванееву представительницы Ганса Кюнга, повествование о котором открыло первую часть настоящей статьи, имя русского религиозно-

---

Zürich, 1974. 672 s. (*Кюнг Г.* Быть христианином. Б. м., б. и., 1976–1977, 1011 стр. в т. ч. С. 1005–1011. Самиздат в типографском переплете). Послесловие за подписью «д-р богословских наук Научно-исследовательский институт по вопросам эйкумены Тюбингенского университета Карл-Йозеф Кушель» [Karl-Josef Kuschel]) был передан нами в фонды библиотеки Санкт-Петербургской духовной академии и в настоящее время проходит обработку.

[51] *Бычков С. С.* «Я не могу жить без диалога» // Желудков С., свящ. Литургические заметки. Переписка, письма, воспоминания. М., 2018. С. 43.

[52] Подтверждено автору Г. М. Файбусовичем.

[53] Метод евангельской критики именуется и историко-критическим методом (нем.: Historisch-kritische Methode).

[54] Письмо А. А. Ванеева к К. К. Иванову от 12.III.1979 г. // Личный архив автора.

го философа и автора книги о Льве Карсавине стало известно и самому́ опальному профессору теологии Тюбингенского университета.

Но начавшийся было разговор с посланницей мировой знаменитости, по свидетельству участника встречи К. К. Иванова, очень быстро закончился, едва только дама позволила себе недопустимо вольно высказаться о значении догматики как для католичества, так и для православия. Анатолий Анатольевич отреагировал на это немедленно: он так грозно сопровождал каждое свое ответное предложение ударами трости в пол, что гостья перепугалась и предпочла быстро попрощаться.

* * *

В постоянном составе четырех участников обсуждения религиозно-философских тем в кружке А. А. Ванеева — очные и письменные — продолжались до самой смерти о. Сергия Желудкова в 1984 г. Число же тех, кто за годы встреч хотя бы раз участвовал в непосредственных обсуждениях[55], было весьма внушительным. Многие из них вошли в историю отечественной науки, церковной и светской культуры и состоялись как крупные ученые и значимые фигуры[56].

По прошествии многих лет Константин Иванов оценивал эти беседы так: «Сейчас я вижу, что в наших беседах было достаточно эклектики, что христианские наши воззрения смешивались с гуманистическими, что мы проецировали на христианство прижившийся в нашей душе секулярный гуманизм, самоуверенно провозглашая свое „новое“ видение христианства. Но это не было зряшным и грешным делом. И не только для нас лично было необходимо разобраться со своими духовными проблемами. Основное значение наших многолетних размышлений в том, что мы переживали и обсуждали общие проблемы нашего народа и времени, которые могут многими не осознаваться, и потому так важно, чтобы где-то и как-то началось это осознание»[57].

Постоянный участник этих диалогов Ярослав Анатольевич Слинин, профессор, воспитавший многие поколения студентов философского факультета Ленинградского, а ныне Санкт-Петербургского университета, не сомневался, что в своем интеллектуальном, философском становлении он многим обязан своему близкому другу Анатолию Анатольевичу Ванееву. Как человек, способный объективно и взвешенно оценить философский талант, Я. А. Слинин был

[55] Некоторым желающим участвовать в беседах А. А. Ванеев отказал в возможности приходить в его дом и участвовать в обсуждениях: причиной были попытки перевести религиозно-философский диалог на рельсы политических оценок положения верующих в СССР.

[56] Среди тех, кто в разной степени был вовлечен в диалог, следует упомянуть Гелиана Михайловича Прохорова (1936–2017), о. Александра Меня, архиепископа Михаила Мудьюгина (1912–2000) и др.

[57] *Иванов К. К.* О. Сергий (Желудков) и Анатолий Ванеев // Его же. Камни. СПб., 2016. С. 44–45.

уверен, что А. А. Ванеев «отнюдь не остался „всего лишь“ учеником своего учителя, а весьма далеко ушел своим путем»[58] и вне сомнений достоин быть неотъемлемой частью большой истории русской религиозной мысли.

Уже после смерти Анатолия Ванеева[59], оценивая его роль не только в этом диалоге, но и в масштабе истории страны, Константин Иванов неоднократно и в разных выражениях в своих дружеских письмах к автору этой статьи сообщал, что нисколько не преувеличивает, оценивая величие личности Анатолия Анатольевича. Такая оценка относилась не только к совершенно особой судьбе и духовному пути А. А. Ванеева, не только к его подвигу сохранения карсавинских имени и наследия, но и делу мысли самого Анатолия Анатольевича, осознавшего «новую ясность христианской веры, которую заронил в нем Лев Карсавин»[60], которую он, вослед своему учителю, «развивал своими размышлениями и подтвердил ее жизнью»[61].

Основные выводы

Встреча и дружба убежденного атеиста Анатолия Анатольевича Ванеева и православного мыслителя Льва Платоновича Карсавина представляют собой действительность осуществленного обетования Спасителя «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф 18. 20) и чудо преображения неверия в твердую веру, устремленную к своему самостоятельному и ответственному осмыслению. Понимание этого Анатолий Ванеев воплотил в подвиг сохранения имени и наследия Л. П. Карсавина, исполненный подлинного величия ответственного отношения к своей вере во Христа и служения Ему.

Наследие А. А. Ванеева есть самостоятельное и оригинальное творческое развитие идей его учителя, Л. П. Карсавина. Размышления Анатолия Ванеева об укорененности современного атеизма в традиции христианской мысли дополнили его преимущественно отрицательную оценку и вывели на важнейшую постановку вопроса о его положительном духовном значении и содержании. Под этим углом атеизм мыслился А. А. Ванеевым как последний предел самого христианства, его необходимый и завершенный взгляд на себя со стороны. В этой интеллектуально-духовной оптике тотальное утверждение атеизма в качестве единственной и окончательной истины о фактической

[58] *Слинин Я. А.* Проходя сквозь блистательный огонь // Русофил. Русская философия и культура. Электронный проект памяти Льва Карсавина. URL: https://levkarsavin.ru/2018/09/03/ (дата обращения: 07.02.2026).

[59] А. А. Ванеев скончался 5 ноября 1985 г. Он похоронен в Санкт-Петербурге на Больше-Охтинском кладбище (второй ряд Царицынской дорожки).

[60] *Иванов К. К.* Памяти Анатолия Анатольевича Ванеева. (В дни похорон [8.11.1985]) // Ванеев А. А. Два года в Абези: в память о Л. П. Карсавине. Брюссель, 1990. С. 376.

[61] Там же.

реальности достигает той критической точки, на которой совершается смысловой переворот и обнажается религиозная природа самого богоотрицания, поскольку отрицание Бога онтологически немыслимо без Его утверждения. Поэтому атеизм не только парадоксальным образом опирается на свои религиозные основания, но и утверждает их тем сильнее, чем последовательнее и глубже старается их отвергнуть.

Ключевую роль здесь играет именно антиномический, а не диалектический характер христианского самосознания: атеизм не снимается в высшем синтезе, как это происходит в философии Гегеля, но удерживается как неразрешимая и вместе с тем неотъемлемая сторона христианской полноты. Это антиномическое напряжение позволяет мысли А. А. Ванеева, основываясь на христианской догматике, самостоятельно выйти в широкое русло самых актуальных идей современного христианского богословия, где проблема соотношения веры и неверия, Церкви и мира вновь обретает особую остроту. Однако это сближение не означает утраты самостоятельности: собственный взгляд А. А. Ванеева не теряется в нем, не растворяется и не размывается в потоке концепций самых авторитетных теологов и метафизиков, а сохраняет свою подлинную оригинальность.

В культурном измерении идеи А. А. Ванеева приобретают особую ценность: их метафизическая перспектива содержит потенциал преодоления тупиков примитивного противопоставления церковной и светской культур и одновременно сохраняет их подлинную самоценность. Таким образом, Анатолий Анатольевич обозначает основу, опираясь на которую возможно противостоять опасной тенденции к расколу единого народа на верующих и атеистов. Важно подчеркнуть, что этот раскол не есть окончательно свершившаяся или совершающаяся необратимая данность. Он скрыт в глубинах латентного процесса исторического разворачивания христианства в судьбах народа и проявляется в виде пульсирующих обострений — под влиянием внешних ли провокаций, или социокультурных стрессов иного происхождения.

Нейтрализовать угрозу этого раскола возможно, разумеется, лишь при условии признания со стороны неверующих того, что религиозная вера обладает собственным, подлинно реальным содержанием и полнотой значения для общества. А со стороны верующих христиан предполагает готовность осмыслить, вослед А. А. Ванееву, что атеизм есть одно из выражений современной религиозности, нашедшее законченную форму в научном подходе и создании научной картины мира. Таким образом, атеизм раскрывается последователем Л. П. Карсавина как одна из антиномических форм исторического бытия христианской мысли и христианского духа, которая в свою очередь нуждается в дальнейшем глубоком осмыслении.

Сокращения

ЦГАЛИ СПб — Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга.

Источники

Ванеев А. А. Два года в Абези / публ. Е. И. Ванеевой // Наше наследие. 1990. № 3 (15). С. 61–83; № 4 (16). С. 81–103.

Ванеев А. А. Очерк жизни и идей Л. П. Карсавина // Звезда. 1990. № 12. С. 138–151.

Ванеев А. А. Заметки к вопросу о религии / публ. В. И. Шаронова // Вестник Московского университета. 2022. Сер. 7: Философия. № 6. С. 25–34.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1974. Т. 11: Бесы.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1985. Т. 28, кн. 1: Письма 1832–1859.

Зоммер Э. Ф. О жизни и смерти русского метафизика. Запоздалый некролог Льва Карсавина († 12.07.1952) // Лев Платонович Карсавин. М., 2012. С. 455–465.

Иванов К. К. Л. П. Карсавин и А. А. Ванеев // Ванеев А. А. Два года в Абези: в память о Л. П. Карсавине. Брюссель, 1990. С. 333–336.

Иванов К. К. Памяти Анатолия Анатольевича Ванеева. (В дни похорон [8.11.1985]) // Ванеев А. А. Два года в Абези: в память о Л. П. Карсавине. Брюссель, 1990. С. 375–381.

Иванов К. К. О. Сергий (Желудков) и Анатолий Ванеев // Его же. Камни. СПб., 2016. С. 38–45.

Карсавин Л. П. Дух и тело / пер. А. В. [Анатолия Ванеева] // Соловьёвские исследования. 2022. Вып. 3 (75). С. 97–122.

Кюнг Г. Быть христианином / пер. с нем. Б. м., 1976–1977. 1011 с.

ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-1012. Оп. 1. Д. 37–40, 66, 95.

Hugo V. Faits contemporains // Idem. Œuvres complètes. Choses vues. T. I. Paris, 1913. P. 271–272.

Sommer E. Vom Leben und Sterben eines russischen Metaphysikers. Ein verspäteter Nachruf auf Leo Karsavin († 12.7.1952) // Orientalia Christiana Periodica. 1958. Vol. XXIV. P. 129–141.

Svarinskas A. Nepataisomasis: atsiminimai. [Irreparable: memoirs]. Vilnius, 2014.

Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius (Отдел хранения рукописей Вильнюсского университета). F. 151. Aprašas. № 3, 22, 23.

Литература

Бычков С. С. «Я не могу жить без диалога» // Желудков С., свящ. Литургические заметки. Переписка, письма, воспоминания. М., 2018. С. 3–48.

Бычков С. С. Ослепительный миг. Жизнь и труды православного священника Александра Меня. М., 2025.

Возвращенные имена. Список жертв политических репрессий, осужденных на территории Республики Коми // Покаяние: Мартиролог. Сыктывкар, 1998. Т. 1. С. 713–1136.

Жвиргждас. О Л. П. Карсавине. Приложение 2 // Морозов Н. А. Особые лагеря МВД СССР в Коми АССР (1948–1954 гг.). Сыктывкар, 1998. С. 141–144.

Мень А. В. О себе…: воспоминания, интервью, беседы, письма. М., 2007.

Слинин Я. А. Проходя сквозь блистательный огонь // Русофил. Русская философия и культура. Электронный проект памяти Льва Карсавина. URL: https://levkarsavin.ru/2018/09/03/ (дата обращения: 07.02.2026).

Чепайтите М. П. Патер. Отец Станислав Добровольскис. М., 2023.

References

Bychkov S. S. "I can't live without dialogue". Zheludkov Sergiy, Priest. *Liturgical Notes. Correspondence, Letters, and Memoirs*. Moscow, 2018, pp. 3–48. (In Russ.)

Bychkov S. S. *A Dazzling Moment. The Life and Works of the Orthodox Priest Alexander Men*. Moscow, 2025. (In Russ.)

Men' A. V. *About myself…: Memoirs, Interviews, Conversations, Letters.* Moscow, 2007. (In Russ.)

Morozov N. A. Zhvirgzhdas. About L. P. Karsavin. Appendix 2. *Special Camps of the USSR Ministry of Internal Affairs in the Komi ASSR (1948–1954)*. Syktyvkar, 1998, pp. 141–144. (In Russ.)

Slinin Ya. A. Passing through the brilliant fire. *Russophile. Russian Philosophy and Culture. Electronic project of the memory of Lev Karsavin*. Available at: https://levkarsavin.ru/2018/09/03/ (accessed: 07.02.2026). (In Russ.)

Chepaityte M. P. *Pater. Father Stanislav Dobrovolskis*. Moscow, 2023. (In Russ.)

Информация об авторе

Шаронов Владимир Иванович
кандидат педагогических наук,
ведущий научный сотрудник

Западный филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
236016, Российская Федерация,
г. Калининград, ул. Артиллерийская, д. 62
E-mail: sharonovvi@gmail.com

Information about the Author

Sharonov, Vladimir Ivanovich
Cand. Sci. (Pedagogics), Leading Researcher

Western branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
62 Artilleriyskaya Street, 236016 Kaliningrad, Russian Federation
E-mail: sharonovvi@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-9708-1446